

[Но ты как раз вовремя. Через три дня состоятся дебаты в колледже, и у нашего первого участника дебатов случился острый аппендицит, и ему предстоит операция. Я в безвыходном положении. Сможешь прийти на помощь?]

[Три дня?! Не слишком ли это поспешно? К тому же у меня нет никакого опыта. Это нормально?]

[Я думаю, все будет в порядке. Возможно, у тебя нет опыта в сборе доказательств, но мы все можем тебе в этом помочь. Просто запомни текст, прочитай его своим презрительным тоном с надменным выражением лица, и все будет хорошо.]

Май Дун долго смотрел на сообщение, отправленное другой стороной, потеряв дар речи.

Неужели он действительно так выглядел в глазах своих одноклассников? Размышляя о себе, Май Дун никогда не понимал эмоции нервозности, за исключением случаев, когда это касалось вопросов, связанных с Янь Суймином. Вынужденный участвовать в трехногом забеге для двух человек, он не нервничал. Во время вступительного экзамена в колледж он не нервничал, и когда он представлял презентацию на сцене, он не нервничал.

Зачем нервничать?

В конце концов, Янь Суймин не наблюдал за ним, будучи зрителем. Независимо от его выступления, Май Дун оставался Май Дуном.

Это ли они называют «пренебрежением к простым людям»?

Итак, Май Дун погрузился в подготовку к дебатам, времени до которых оставалось в обрез.

Участие в дебатах имело положительный эффект. В последовавшую за этим напряженную неделю у Май Дуна не было свободного времени, чтобы предаваться меланхолии или тосковать по Янь Суймину.

Самообман играл значительную роль, например, каждый день после возвращения из команды в общежитие, когда он думал о том, чтобы записать в своем дневнике, он открывал новую страницу, но, поколебавшись мгновение, он откладывал дневник.

Он не осмеливался писать. Для Май Дуна стало привычкой избегать упоминания «его» в этом дневнике.

Он боялся, что если он возьмется за перо, его истинные чувства будут раскрыты. Первое предложение, которое он напишет, несомненно, будет: «Я не видел его последние несколько дней. Интересно, забыл ли он уже об этом маленьком инциденте со мной». Пока он не писал, он мог убедить себя, что медленно забывает Янь Суймина.

Однако как только эта мысль возникла, подавить ее было трудно.

Хотя он не осмеливался обманывать себя, делая записи в дневнике, лежа в постели, ему все равно было трудно заснуть. Все образы в его сознании были о Янь Сюймине.

Май Дун и Янь Сюймин учились в одной и той же школе. Представителем учащих на церемонии открытия, несомненно, был Янь Сюймин.

В то время Янь Сюймин выглядел очень молодо, одетый в летнюю школьную форму по фигуре. Он излучал яркую и юношескую ауру. Май Дун считал, что он, вероятно, он сам написал речь. Янь Сюймин даже иногда отходил от сценария, иногда держа микрофон одной рукой. Его взгляд, не слишком теплый, скользнул по ряду первокурсников, стоящих на поле.

У Май Дуна были стабильно хорошие оценки, и Янь Сюймин, естественно, стал его целью. Однако в то время цель была чисто академической.

Май Дун стоял внизу, фантазируя, что после того, как Янь Сюймин закончит учёбу, он может заменить его, встав в центре платформы в качестве представителя студентов. Тогда это было хорошее время. Май Дун ещё не заразился болезнью под названием «привязанность». Как и его сосед по комнате Ду Чуань, он считал Янь Сюймина отличным конкурентом.

До той спортивной встречи.

После своего позорного падения на трассе, сидя там побежденным и растрепанным, Май Дун чувствовал, как будто все его будущее рухнуло. Янь Сюймин протянул ему тампон с йодом. Все еще переводя дыхание, Май Дун колебался некоторое время, но так и не протянул руку, чтобы взять его.

Итак, Янь Сюймин присел, его указательный и средний пальцы надавили прямо на колено Май Дуна. Эти два пальца приземлились рядом с раной, принося летнее тепло своим прикосновением. Брови Янь Сюймина слегка нахмурились:

— Не можешь пошевелиться?

Май Дун резко вернулся к реальности, густо покраснел и быстро объяснил:

— Нет, нет, дело не в этом. Я могу двигаться. — Затем он взял тампон, но не стал его сразу открывать, готовясь отойти в сторону, чтобы заняться им.

Янь Сюймин простым движением уверенно схватил Май Дуна за запястье:

— Я помогу тебе.

Май Дун изначально хотел сказать «нет нужды», но его вежливый отказ так и не прозвучал. Его сердце забилось быстрее, мозг, казалось, перестал функционировать, а рот стал непослушным. По какой-то причине он начал нервничать и чувствовать себя неловко. Он был уверен, что Янь Сюймин ему не нравился в то время, но он чувствовал необъяснимую застенчивость перед ним.

Внезапно Май Дун натянул одеяло так, что все его лицо погрузилось в темноту, из-за чего стало трудно дышать.

Он глубоко вдохнул, изо всех сил стараясь выкинуть из головы Янь Сюймина, этого ублюдка.

Излишне говорить, что его усилия были напрасны. Он не только потерпел неудачу, но и в душе стыдливо извинился за то, что назвал Янь Сюймина «ублюдком», и молча задался вопросом, перед кем он извиняется.

Янь Сюймин — очень хороший человек, определенно не ублюдок.

Май Дун знал, чего он хотел — либо получить внимание и привязанность Янь Сюймина, либо столкнуться с его отвержением и неприязнью. Но не оказаться в текущей ситуации, когда его влюбленность была раскрыта, но, казалось, будто вообще ничего не произошло.

Было ощущение, его чувства даже не стоили серьезного отказа Янь Сюймина.

«Я ведь тоже не плохой человек, правда?» — подумал про себя Май Дун. — «Я выгляжу прилично, у меня хорошие оценки, и моя семья вполне сносная. Хотя я, возможно, не выделяюсь ни в одной конкретной области... ладно, я действительно не достоин Янь Сюймина».

Влюбленность — это болезнь упрямых.

Итак, доктор Май делал все возможное, чтобы вылечить себя. Он не хотел быть пораженным таким неизлечимым заболеванием в столь юном возрасте. Вирус — это опасная сущность под названием «Янь Сюймин», и стоит вам приблизиться к нему, как вы тут же заразитесь.

Лечение сложных болезней требует терпения, и доктору Май приходилось быть терпеливым по отношению к самому себе.

<http://bllate.org/book/12955/1138112>